

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Книга 3

АД

Том 2

МОСКВА

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	<i>Взгляд из вечности. Ад</i>
Смерть и немного любви	Жизнь после Жизни
Черный список	Личные мотивы
Посмертный образ	Смерть как искусство. Маски
За все надо платить	Смерть как искусство. Правосудие
Чужая маска	Бой тигров в долине
Не мешайте палачу	Оборванные нити
Стилист	Последний рассвет
Иллюзия греха	Ангелы на льду не выживают
Светлый лик смерти	Казнь без злого умысла
Имя потерпевшего никто	Обратная сила. 1842–1919
Мужские игры	Обратная сила. 1965–1982
Я умер вчера	Обратная сила. 1983–1997
Реквием	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Призрак музыки	Горький квест. Том 1, Том 2, Том 3
Седьмая жертва	Другая правда. Том 1, Том 2
Когда боги смеются	Безупречная репутация. Том 1, Том 2
Незапертая дверь	Отдаленные последствия Том1, Том 2
Закон трех отрицаний	Тьма после рассвета
Соавторы	Дебютная постановка. Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	
Тот, кто знает. Опасные вопросы	
Тот, кто знает. Перекресток	
Фантом памяти	
Каждый за себя	
Замена объекта	
Пружина для мышеловки	

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Книга 3

АД

Том 2

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *Gelografic*

Маринина, Александра.

М26 Взгляд из вечности. Книга 3. Ад. Том 2 /
Александра Маринина. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с. — (А. Маринина. Меньше, чем
спец.цена).

ISBN 978-5-04-216325-8

Все не так просто, не так ладно в семейной жизни Родислава и Любы Романовых, начинавшейся столь счастливо. Какой бы идиллической ни казалась их семья, тайные трещины и скрытые изъяны неумолимо подтачивают ее основы. И Любе, и уж тем более Родиславу есть за что упрекнуть себя, в чем горько покаяться, над чем подумать бессонными ночами. И с детьми начинаются проблемы, особенно с сыном. То обстоятельство, что фактически по их вине в тюрьме сидит невиновный человек, тяжким грузом лежит на совести Романовых. Так дальше жить нельзя — эта угловатая, колючая, некомфортная истина становится все очевидней. Но Родислав и Люба даже не подозревают, как близки к катастрофе, какая тонкая грань отделяет супругов от того момента, когда все внезапно вскроется, и жизнь покатится по совершенно непредсказуемому пути...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216325-8

© Алексеева М. А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

* * *

Родислав тяжело переживал смерть Николая, и Любе было его очень жалко. Сама она продолжала ходить на работу, а вот Родислав воспользовался предложением Бегорского и несколько дней пролежал дома, пережидая приступы тошноты и головокружения, которых давно уже не было. Они с Лелей бродили по квартире, как бесплотные тени, молча пили чай, молча разогревали еду, молча сидели перед полными тарелками и так же молча отставляли в сторону блюда нетронутыми и расходились по комнатам. Любе хотелось быть рядом со своими любимыми и близкими, она уходила на работу с тяжелым сердцем, отлично понимая, что нельзя потакать такому углублению в горе. Если еще и она к ним присоединится, то им всем уже будет не выбраться из пучины скорби и отчаяния. «Кто-то же должен продолжать жить, чтобы показывать пример, — твердила она себе, борясь с соблазном лечь на диван, отвернуться к стене и заплакать. — Кто-то же должен. Они сами не могут, ни Лелька, ни Родик, они слишком слабенькие для этого. Я должна их вытащить. А меня вытаскивать некому, кроме Тамары, но на ней папа, ей и этого хватает. Значит, придется мне самой справляться и с собой, и с мужем, и с дочерью».

После встречи с Тamarой Люба выждала еще несколько дней и осторожно заговорила с Родиславом о новой квартире. Вернее, заговорила-то она сначала только о ремонте и покупке новой мебели, а уж до идеи новой квартиры Родислав додумался сам, правда, под чутким руководством жены. Идея его вдохновила, и он с готовностью принялся обсуждать планы.

— Ты хочешь эту квартиру оставить Леле? — спросил он. — Она уже совсем взрослая, ей нужно свое жилье.

Эта мысль, раньше не приходившая ей в голову, испугала Любу. Как это — оставить квартиру Леле и переезжать без нее? Как это — остаться с Родиславом вдвоем? Она только что потеряла одного ребенка и совершенно не была готова расставаться со вторым. Без Лели ее жизнь станет совсем пустой.

— Нет-нет, что ты, — торопливо заговорила она, — Леля останется с нами. Эту квартиру мы продадим, добавим, сколько сможем, и купим новую, побольше и поудобнее. У тебя будет свой кабинет, ты сможешь работать с документами и с Интернетом дома.

— Может быть, купить Лельке «однушку»? — предложил он.

— Нет. Она останется с нами. Ну как она будет жить одна? Она же совершенно неприспособленная, ни приготовить себе не может, ни постирать. Она даже, по-моему, не знает, как пылесосом пользоваться, а если гладить возьмется, то непременно что-нибудь сожжет. Пусть живет с нами, пока сама не захочет уйти и жить отдельно.

Люба и Родислав нашли риелтора и вплотную занялись квартирным вопросом. На самом деле

занималась им одна Люба, потому что у Родислава не было ни времени, ни желания ездить смотреть квартиры и вникать в вопросы проводки, труб, стеклопакетов, перепланировки, а также выяснять все, что касается бывших собственников и документов. Люба всем этим занималась сама, по вечерам докладывая мужу результаты и спрашивая его совета, а Родислав слушал ее с утомленным видом и кивал. Новую квартиру ему хотелось, но тратить на нее силы не хотелось совсем.

Спустя несколько месяцев они нашли то, что хотели, и именно в том районе, который их устраивал. Началась эпопея с ремонтом и одновременно с покупкой всего необходимого для нового жилья. К этому этапу Родислав подключился с удовольствием, ходить по магазинам и делать покупки он любил. Люба попыталась и Лелю заинтересовать обустройством нового жилья, но девушка наотрез отказалась участвовать в семейных хлопотах, сказав, что потребности у нее невысокие и она будет довольна всем тем, что выберут для нее родители, а самой ей совершенно все равно, какая у нее будет мебель, какого цвета обои и какие занавески, потому что главное в ее жизни — это поэзия, а не быт.

Романовы ездили по мебельным салонам и восхищались красотой и разнообразием гарнитуров и отдельных предметов мебели, которые можно было приобрести, вот просто прийти, заплатить деньги и купить, а не стоять в очередях, не записываться в профкоме и не отмечаться по ночам, как раньше. Боже мой, какой ценностью когда-то, много лет назад, а на самом деле не так уж и много, всего пятнадцать, казалась возможность купить краси-

вый импортный кухонный гарнитур с диванчиком-«уголком» или хорошую мебельную стенку, румынскую, немецкую или югославскую! На какие жертвы и унижения приходилось идти, чтобы более или менее сносно обставить квартиру! А об английской и итальянской сантехнике или о плитке «Версаче» тогда даже и не помышляли, радовались тому, что удавалось заполучить обыкновенный белый, но хотя бы новый унитаз и простую белую плитку без сколов, которую потом украшали немецкими переводными картинками. Люба вспомнила, как они стояли в очереди на кухонную мебель и на стенку и как радовались продвижению этой очереди хотя бы на несколько номеров, и ей стало грустно. Сейчас всю эту мебель придется выбрасывать на помойку, она уже совсем старая, даже на дачу ее не отвезешь — развалится по дороге. Выбросить на помойку месяцы ожидания, надежд, радости... Тогда все это выглядело таким важным, таким значимым, а теперь не имеет никакого значения. И с автомобилями та же история: автосалоны битком забиты красивыми сверкающими иномарками, приходи и выбирай, а ведь когда-то, двадцать три года назад, очередь на «Жигули» была одним из аргументов, удержавших семью Романовых от развода. Потеря возможности купить машину казалась настоящей трагедией...

Миновала зима, весна, уже заканчивалось лето, и наконец был назначен день переезда. Люба, без малого сорок лет прожившая в одной и той же квартире, даже не подозревала, какие испытания ее ждут. После смерти Коли она не входила в его комнату и ничего там не трогала, теперь же пришлось волей-неволей разбирать его вещи и решать, что с

ними делать. Ей казалось, что сердце не выдержит. Она брала в руки его джинсы, понимала, что их надо выбросить, и у нее темнело в глазах. Его книги, его диски, кассеты, свитера, майки — все это нужно было куда-то девать. Промучившись несколько дней, она позвонила Ларисе и попросила помочь.

— Ларочка, у тебя, наверное, есть знакомые, которым все это может пригодиться. От Коли осталось много вещей, почти все хорошие, добротные, фирменные, мало ношенные, и потом, там еще диски, кассеты. Я не могу этим заниматься. У меня руки опускаются.

— Я понимаю, тетя Люба, — ответила Лариса. — Вы не волнуйтесь, я все организую. Вы только скажите, когда вас не будет дома, и дайте мне ключи.

После смерти Геннадия ключи от квартиры Романовых Лариса вернула за ненадобностью. Костику уже исполнилось пять лет, и Лариса приучилась справляться самостоятельно и к помощи Любы прибегала все реже. Но Люба все равно не оставляла молодую женщину и продолжала заботиться о ней, покупала игрушки для малыша и дарила одежду, скорее по привычке, чем из чувства долга и вины. Она так привыкла считать себя матерью двоих детей, что теперь, когда Коли не стало, готова была признать Ларису своей старшей дочерью.

Разборка антресолей и старых чемоданов тоже далась Любе нелегко, у нее рука не поднималась выбросить Лелину школьную форму, которую та носила в четвертом классе, или Колин дневник за второе полугодие седьмого класса, или сломанную оловянную фигурку альпиниста, которую Родик

давно-давно, еще до Лизы, привез из командировки в Приэльбрусье и подарил жене. Как с этим расстаться? Как заставить себя поставить точку и признать, что ТА жизнь, в которой муж ее любил, а дети были маленькими и чудесными, давно закончилась? Будет новый дом, в нем будут новые вещи, из окна будет другой вид, и все это будет означать другую жизнь. Новую. Которая вряд ли будет лучше старой. Но она будет другой. С любимым, но не любящим мужем, со взрослой и ставшей совсем чужой дочерью и без сына.

В начале сентября Романовы переехали в новую квартиру в доме элитной постройки, где у Любы и Родислава, помимо общей спальни, было по кабинету, а для Николая Дмитриевича и Тамары оборудована отдельная гостевая комната. Разумеется, была и комната Лели, светлая и просторная, и большая гостиная с мягкой мебелью и плоским, висящим на стене плазменным телеэкраном.

— Ну что, сестричка, мечты сбываются? — весело спросила Любу Тамара. — Помнишь, как мы с тобой придумывали эту квартиру? Ты небось сама в тот момент не верила, что так может случиться.

— Не верила, — призналась Люба. — Но все равно получилось не так, как мы намечтали. Гостевая комната всего одна, а не две, как мы с тобой тогда придумали.

— Но это правильно, — возразила Тамара. — Если папа остается у вас потому, что ему нездоровится, то кто-то обязательно должен спать с ним в одной комнате, нельзя же его на всю ночь оставлять одного. А вдруг ему станет плохо?

— И санузлов всего два, а не три, — продолжала

поддразнивать сестру Люба. — Вернее, два с половиной.

В квартире было два санузла с ванными и один маленький, с унитазом и раковиной, рядом с кухней. И все равно эта квартира была лучше той, которую представляла себе Люба в самых смелых своих мечтах. Она была двухэтажной. О таком Люба, выросшая в бараке, даже помыслить не могла.

В сентябре у Тамары был отпуск, Люба тоже оформила десять дней в счет отпуска, и сестры с упоением принялись обустраивать новое семейное гнездо: вешали шторы, покупали и расставляли посуду, размещали по многочисленным шкафам одежду и обувь, да мало ли всего нужно сделать при переезде на новую квартиру! Родислав приходил вечером с работы, Люба начинала ему объяснять, где что лежит, но он только отмахивался:

— Любаша, я все равно ничего не запомню, я же бестолковый, лучше я, когда нужно будет, у тебя спрошу, и ты мне скажешь.

Она пыталась о чем-то посоветоваться с ним, показывала, что она придумала, но он только кивал, говорил: «Ты сделай, как тебе самой нравится», и утыкался в телевизор или уходил в кабинет и усаживался за компьютер. Леля тоже демонстрировала полное равнодушие, окидывала взглядом развешанные в шкафу плечики с одеждой и расставленные на полках свои книги, вежливо говорила «спасибо» и замолкала. В конце концов у Любы сложилось впечатление, что эта новая квартира никому из ее домашних не нужна. Она им не интересна. Они просто пошли у нее на поводу, чтобы дать ей возможность хоть чем-то занять себя и отвлечься от мыслей о Николае.

«Ну и пусть, — твердила про себя Люба. — Пусть им ничего не нужно. Но мне это помогло выжить».

Не было минуты, чтобы она не вспоминала о сыне, однако новые заботы хотя и не вытеснили боль утраты, но сделали ее не такой острой.

11 сентября весь мир содрогнулся от ужаса, когда в Нью-Йорке от террористической атаки рухнули башни Всемирного торгового центра, под обломками которых погибли тысячи людей. Люба несколько часов просидела перед телевизионным экраном, оцепенев от увиденного, слушала слова комментаторов о том, что мир с сегодняшнего дня стал другим перед открытой угрозой исламского терроризма, и думала: «Моя жизнь тоже стала другой. Пусть я потеряла не тысячи, а всего лишь одного человека, но я уже никогда не смогу быть прежней». Вид рушащихся зданий отзывался в ней картиной рухнувшей собственной жизни.

* * *

Даша Спичак собиралась с подружкой на дискотеку. Подружка должна была зайти за ней в девять вечера, и Даша красилась в ванной, нетерпеливо поглядывая на часы: она хотела успеть уйти до возвращения матери, чтобы избежать нудных объяснений и нотаций. Лиза в прошлом году прошла курс лечения, лежала в клинике неврозов, куда ее почти насильно устроил Родислав, и после выписки стала совершенно невыносимой. Если раньше ей было абсолютно все равно, как проводит время ее старшая дочь, и ее интересовали только мужчины и выпивка, то теперь Лиза стала подавленной, все время плакала и доставала Дашу

нравоучениями и прочим, на взгляд девушки, скучным нытьем о том, что надо приобретать профессию и думать о будущем.

— Сама-то ты много думала о будущем? — огрызнулась в ответ Даша. — Вон родила парочку неизвестно от кого, от проходимца какого-то, который на тебе так и не женился, всю жизнь прогуляла и пропьянствовала, а теперь хочешь быть святее папы римского. Заткнись лучше.

Подружки все не было, и Даша решила, чтобы не терять время, одеться и занять позицию в прихожей, чтобы сразу убежать. Денис в своей крохотной «запроходной» комнатке сидел за компьютером и, когда Даша заглянула к нему, чтобы предупредить, что уходит, только кивнул, не отрываясь от экрана. Она натянула высокие блестящие сапоги, удовлетворенно оглядела двадцать сантиметров затянутых в колготки ног между сапогами и подолом юбки и подмигнула своему отражению. Услышав шаги за дверью, не стала ждать звонка и шелкнула замком.

На пороге стояла мать, бледная, растрепанная, с темными провалами вместо глаз, а рядом с ней незнакомый мужчина, который крепко держал ее под руку.

— Что? — зло спросила Даша. — Опять? Все лечение псу под хвост? Нажралась? Еще и дружка своего притащила! Совсем стыд потеряла.

— Вы — дочь? — вежливо спросил мужчина, и Даша почувствовала, что алкоголем от него не пахнет.

Она внимательнее оглядела спутника матери и поняла, что на собутыльника он никак не тянет: слишком ухожен, слишком хорошо одет, отлично

подстрижен. Лицо его показалось Даше смутно знакомым, и она решила, что это, скорее всего, жилец их дома, с которым она, наверное, сталкивалась на лестнице и в подъезде.

— Ну, дочь, — с вызовом ответила она, но тон все-таки понизила. — А вы кто? Где вы ее подобрали?

— В метро, — ответил незнакомец. — Давай-ка помоги маме раздеться, надо ее уложить и дать ей горячего чаю. И пусть она полежит спокойно.

— Ну, вы еще будете меня учить, как с пьяными обращаться, — фыркнула Даша, пропуская незнакомца вместе с матерью в квартиру.

Мать не произнесла ни слова, она, казалось, даже двигаться не могла самостоятельно, и мужчина по-прежнему крепко держал ее под руку. Лиза почти висела на нем.

— Отпускайте, — скомандовала Даша, — я ее держу. А вы снимайте с нее плащ.

Мужчина послушно раздел Лизу.

— Какие тапочки? — спросил он.

— Вон те, — Даша кивком головы указала на стоящую в углу пару шлепанцев. — Давай, мам, снимай туфли, переобувайся. Ну давай же, пьянь ты бестолковая!

В ней кипели злость и раздражение. Вот-вот появится подружка и застанет такую неприглядную сцену: ее мать подобрал пьяную в метро и привел домой посторонний человек. Стыдобища!

Мать послушно переобулась, в сопровождении Даши и незнакомца дошла до своего дивана и рухнула на него. Мужчина заботливо укрыл ее пледом и погладил по плечу.

— Поспите, Лиза. Вам сейчас нужно очень мно-

го спать. Проснетесь — и поймете, что все хорошо. Я вам обещаю.

— Да что вы с ней цацкаетесь! — вспыхнула Даша. — Со мной бы кто-нибудь так возился, как с этой алкоголичкой!

— Тише, — мужчина осторожно взял Дашу за руку. — Давай выйдем на кухню.

На кухне Даша собралась было сесть за стол с вызывающим видом, но мужчина сказал:

— Сделай маме чай.

— Рассол ей нужен, а не чай, — огрызнулась она.

— Как тебя зовут?

— Даша.

— А меня — Кирилл. Так вот, Даша, твоя мама не пьяна. У нее депрессия.

— Ага, знаю я эту депрессию.

— Даша, твоя мама пыталась броситься в метро под поезд.

— Что?!

Она выронила пакет с заваркой, которая рассыпалась по всему полу. Руки задрожали, ноги стали ватными.

— Что вы сказали? — переспросила она.

— Твоя мама пыталась покончить с собой, — тихо повторил Кирилл. — Хорошо, что я стоял совсем рядом. Я наблюдал за ней, поэтому вовремя среагировал.

— Вы наблюдали? Зачем?

— Просто заметил, какое у нее лицо, и забеспокоился. Я знаю, какие лица бывают у тех, кто решил, что больше не хочет жить.

— Господи... мама... — пробормотала Даша. — Как же это? Почему?

— Ну, это тебе видней, я вашей жизни не знаю, —

пожал плечами Кирилл. — Я удержал ее, не дал прыгнуть на рельсы перед поездом, постарался успокоить, привел домой. И теперь мне хотелось бы, чтобы ты с пониманием отнеслась к тому, что произошло, и не оставляла маму одну. Я так понял, ты куда-то собиралась?

— Ну да, на дискотеку.

— Тебе придется остаться дома, — твердо произнес он.

— Да это понятно, — вздохнула Даша. — Кошмар какой-то.

Тренькнул дверной звонок, пришла подружка. Даша вышла в прихожую, открыла дверь и объявила, что никуда идти не может — мать заболела.

— Да брось ты, — прошептала подружка, скорчив недовольную гримаску, — у тебя же брат дома, пусть за матерью поухаживает. Что он, лекарство ей дать не сможет? Он же большой уже.

Соблазн был велик, и если бы не Кирилл, Даша, скорее всего, так и поступила бы, оставив мать на попечение Дениса и убежав на дискотеку. Подумаешь, депрессия! Пить надо меньше, тогда и депрессий не будет. Но в квартире сидел Кирилл, такой взрослый, такой красивый, такой умный, Кирилл, который спас ее мать и не пожалел времени, чтобы доставить ее домой и сдать с рук на руки дочери, и Даше было перед ним неловко. Получается, совершенно посторонний человек заботится о ее непутевой матери больше, чем родная дочь.

— Да ладно, — она виновато улыбнулась подружке, — в другой раз сходим вместе. Извини, что так вышло.

Подруга надулась, резко развернулась и засту-

чала каблучками по ступенькам, спускаясь вниз. Даша вернулась на кухню и застала Кирилла с венником в руке — он убирал с пола рассыпавшийся чай.

— Ну что вы, — смутилась она, — не надо. Я сама уберу.

Он разогнулся и с улыбкой посмотрел на нее.

— Да ничего, я уже почти закончил. У тебя чайник закипел.

Даша заварила чай, отнесла в комнату. Лиза лежала, накрывшись пледом с головой, и непонятно было, то ли она уснула, то ли просто не хочет никого видеть.

— Мам, я чай принесла, — вполголоса пробормотала Даша.

Мать ничего не ответила. Даша поставила чашку на пол рядом с диваном и вернулась на кухню. Кирилл стоял, облокотившись на подоконник, и курил.

— А вы врач, да? — спросила она.

— Почему врач? — он, казалось, искренне удивился.

Что-то в его повороте головы было до боли знакомым, и в том, как он вздернул брови, и в том, как дрогнули в улыбке его губы. Где же она его видела? Даже странно, что видела — и забыла, такой эффектный мужик, Даша обычно таких не забывала.

— Ну, вы же сами сказали, что знаете, какие бывают лица у тех, кто больше не хочет жить. Значит, вы психиатр.

— Логично, — улыбнулся он. — Но я не психиатр. Я актер.

— Актер?! Что, прямо настоящий?

— Нет, — рассмеялся он. — Игрушечный.

Даша смутилась.

— Я имела в виду: вы и в кино снимаетесь?

— Сейчас уже нет. То есть я постоянно имею дело с кино, но только на озвучании. Дублирую зарубежные фильмы. А раньше и снимался, и в театре играл.

И только тут до нее дошло. Господи, это же Кирилл Тарнович! Ее детская любовь. Когда Даше было девять лет, она впервые увидела фильм про Робин Гуда и насмерть влюбилась в актера, игравшего главную роль. С тех пор она смотрела этот фильм раз двадцать, она болела Кириллом Тарновичем, она вырезала из журналов его фотографии и наклеивала на стенку вокруг своей кровати. Потом, с годами, на место этих фотографий пришли другие, с известными певцами, а те снимки Даша сняла со стены и аккуратно сложила в папку и спрятала среди старых тетрадок. Но как же он изменился! Постарел, поседел... Немудрено, что она его сразу не узнала. Сколько ему сейчас лет? Должно быть, за сорок. И вот он здесь, в ее квартире, стоит совсем рядом, разговаривает с ней, курит и, кажется, совсем не торопится уходить. Есть же в жизни счастье! Как хорошо, что подружка не пришла раньше и Даша не успела убежать на дискотеку до того, как Кирилл привел мать.

— Вы — Кирилл Тарнович? — робко спросила она.

— Совершенно верно, — он улыбнулся снова, на этот раз широко, открыто и так солнечно, что Даше показалось — за окном не вечер, а белый день. И не холодный весенний, а жаркий, летний. — Приятно, что ты меня узнала. Меня теперь

редко узнают, времена всесоюзной славы давно прошли.

— Да что вы, — заторопилась Даша, — как же я могла вас не узнать, я была влюблена в вас, когда была еще девчонкой, вы были моим кумиром. Я даже фотографии ваши собирала и на стенку наклеивала. А мама ужасно ругалась и велела их снять.

— А ты?

— А я сопротивлялась и говорила, что вырасту и выйду за вас замуж. Правда, смешно?

— Смешно, — согласился он. — Сколько тебе лет, Даша?

— В июле будет двадцать три. А вам?

— Ну, мне намного больше, — усмехнулся Кирилл. — Уже сорок семь. Я так понял, что у Лизы есть еще ребенок? Она все время бормотала о детях.

— Да, у меня есть еще брат, младший, Дениска, ему семнадцать. Он инвалид.

— А что с ним? Что-то серьезное?

— Он не ходит. У него в детстве был полиомиелит.

— А ваш отец? Он как-нибудь помогает вам? Или у вас разные отцы?

— А вам-то что? — внезапно окрысилась Даша. — Чего вы в душу лезете?

— Прости, — Кирилл примирительно улыбнулся. — Это действительно не мое дело. Просто я пытаюсь понять, что так достало твою маму, что она решила свести счеты с жизнью. Впрочем, это тоже не мое дело.

Он сделал движение, чтобы встать, и Даша вдруг испугалась, что он сейчас уйдет — и она никогда больше его не увидит. Ей отчего-то не хотелось, чтобы он уходил. И она рассказала ему об отце,